

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

ВИТАЛИЙ ТРЕТЬЯКОВ

ВЛАДИМИР

ПУТИН

20 ЛЕТ У ВЛАСТИ

Проект «Путин»

Виталий Третьяков

Владимир Путин. 20 лет у власти

«Алгоритм»

2018

УДК 323:929 Путин В.
ББК 66.3(2Рос)8 Путин В.

Третьяков В. Т.

Владимир Путин. 20 лет у власти / В. Т. Третьяков —
«Алгоритм», 2018 — (Проект «Путин»)

ISBN 978-5-907120-09-9

Виталий Третьяков – один из самых авторитетных журналистов и политологов современной России. Являясь деканом Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, он также известен как автор и ведущий телепрограммы «Что делать?» на телеканале «Культура» (с 2001 года по настоящее время). В своей новой книге Виталий Третьяков подвергает всестороннему анализу деятельность Владимира Путина во власти на протяжении 20 лет. «Не рискну утверждать, что я являюсь лучшим в стране специалистом по личностным характеристикам нынешнего президента России, – пишет В. Третьяков, – но все-таки мой опыт общения с Владимиром Путиным, а также многолетнее внимательное наблюдение за его словами и действиями дает мне право на подобный анализ». Перед читателями предстанет широкая панорама внутренней и внешней политики Путина, его осуществленных и неосуществленных проектов, достижений и просчетов, методов действий в критических ситуациях, которых было немало за эти двадцать лет.

УДК 323:929 Путин В.
ББК 66.3(2Рос)8 Путин В.

ISBN 978-5-907120-09-9

© Третьяков В. Т., 2018
© Алгоритм, 2018

Содержание

От автора	5
Вся правда о Путине	7
Кто из правителей России действительно велик?	7
Критерии успешности правления	9
Двор плюс аппарат	15
Сталин – наше всё	18
Диагноз: управляемая демократия	21
Вся правда о Путине	25
Режим Путина и Россия	29
Голиаф и Левиафан	30
Блеск и нищета политической философии Владимира Путина	34
Режим Путина и Россия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виталий Третьяков

Владимир Путин. 20 лет у власти

От автора

Очередное предложение написать книгу о Путине меня не удивило, но озадачило. Не удивило потому, что к настоящему времени Владимир Путин окончательно и, надо думать, бесповоротно превратился не только в одного из самых влиятельных политиков мира и в историческую фигуру, заслонившую собой всех руководителей России за предшествующие полвека, но и в того, кого в науке принято называть культурным героем, – то есть в мифическое существо, дарующее людям блага цивилизации и открывающее перед ними неведомые ранее перспективы развития.

Политиков, обожествляемых (не важно, в каком смысле – ангельском или демоническом) при жизни, если быть объективным, совсем немного в истории любой страны и в мировой истории тоже. Во всяком случае, гораздо меньше, чем просто знаменитых политиков. Поэтому, а также потому, что Путин продолжает оставаться действующим персонажем российской и мировой истории, всем в России и всем, кто хоть в какой-то степени неравнодушен к политике, интересно знать как можно больше о нём, если даже эти знания настолько далеки от реальности, что сами уже являются мифами.

Озадачило же меня это предложение тем, что, в принципе, всё главное о Путине я уже давно и многократно сказал и написал. А сочинять книгу о том, что тобою уже хорошо изучено и описано, просто скучно.

Тем не менее я откликнулся на это предложение. Но, как мне кажется, самым логичным в данном случае образом. Я решил собрать под одной обложкой всё наиболее существенное, что было мною написано о Путине и его политике с 1999 года. И я вполне серьёзно и ответственно, без всякой авторской фанаберии (ну разве что чуть-чуть и с нею), утверждаю: те, кто прочитает хотя бы три – в любом наборе – большие мои статьи из этой книги, получат самое точное представление о Путине как политике (а отчасти и как о человеке) и о том, что и как он будет делать, как минимум, в ближайшие пять лет. А насколько убедительной окажется моя интерпретация (или реконструкция) внутренних, не публичных, рассуждений Путина для читателей этой книги, посмотрим.

Теперь мне остаётся сообщить только несколько формальных вещей.

Как всегда при перепубликации, я ничего не меняю в своих текстах, написанных годы или даже десятилетия назад. Это мой принцип, которому я остаюсь верен, даже если какие-то мои прогнозы (как правило, «технические», а не сущностные) и не сбылись. Впрочем, это случалось очень редко.

В некоторых статьях, особенно уж очень давних, я делал небольшие изъятия. Но это только в тех случаях, когда изъятые пассажи касались совсем не значительных сегодня фактов и персонажей или были, так сказать, лирическими отступлениями, актуальными исключительно на момент публикации той или иной статьи. Разумеется, ни одно из этих сокращений никак не изменяет и не искажает концептуальную суть и фактографическую основу собранных в этой книге моих текстов.

Итак, всех неравнодушных к Владимиру Путину, России и к тому, что часто называют не слишком ещё устоявшимся термином «путинизм», я приглашаю прочитать (или, по меньшей мере, пролистать) эту книгу.

Остальные могут не беспокоиться.

Но есть ли сейчас такие в самой России и в её геополитических окрестностях, за её границей, которая, как весьма тонко заметил наш культурный герой, «нигде не заканчивается»? Сомневаюсь...

*Виталий Третьяков,
август 2018 г.*

Вся правда о Путине

Кто из правителей России действительно велик? (О критериях и оценках величия руководителей России XX века и до наших дней)

Хронологически эта статья должна бы быть одной из последних или даже самой последней в данной книге. Но я вынес её в начало по очевидной причине: в этой статье на основе исключительно объективных критериев я сравниваю «величие» тех, кто возглавлял нашу страну в XX веке и в начале нынешнего. Среди них, естественно, и Путин.

Статья написана в марте 2016 года (то есть за два года до окончания третьего президентского срока Путина) и тогда же опубликована в «Комсомольской правде». За почти три прошедших года, да простится мне это утверждение, статья совершенно не устарела. Просто потому, что показатели по всем критериям, по которым я оцениваю ключевые политические фигуры России за прошедший век с небольшим, не изменились – в том числе и у Путина.

Таким образом, данная статья фактически подводит исторический итог всех трёх президентских legislатур Путина – с 2000 года и по сегодняшний день. И если бы эта статья не была написана мною три года назад, мне пришлось бы специально сочинить её сегодня для этой книги.

В последние недели в России вновь резко возрос общественный интерес к оценке роли лидеров, руководивших страной в разные годы. Внешне это связано как с недавними юбилейными датами: 85-летие Ельцина и Горбачёва, 60-летие XX съезда, на котором Хрущёв произнёс свой доклад о культе личности Сталина, – так и с юбилеями приближающимися – 100-летием Февральской и Октябрьской революций. А тут уже актуальны имена Николая II, Керенского и Ленина. Но подспудно, конечно же, общественная мысль и общественное сознание России пытаются, наконец, окончательно определиться в оценке всех этих главных политических фигур XX века, а равно и тех, кто возглавляет Россию сегодня. Действия последних, естественно, рассматриваются на фоне их предшественников.

Вождя плурализма мнений сейчас хоть отбавляй. А вот с объективностью проблемы – плурализм стремительно перетекает в волюнтаризм и отсебятину: что ни эксперт, то своя позиция и система аргументации. Но это ещё полбеды. Ныне принято, что о политиках публично судят не только и даже не столько историки, политические аналитики и народ, который, по-моему, вообще должен быть главным арбитром в этих дискуссиях. Нет, с телевизионных трибун – самых мощных и самых влиятельных по воздействию на массы – вердикты выносят театральные критики и киноартисты, эстрадные певцы, литераторы средней руки и мелкого калибра, «лидеры» микроскопических партий, весь политический и электоральный капитал которых состоит из регистрации в министерстве юстиции. Ну и главные держатели контрольного пакета по влиянию на массовое общественное мнение – поп-звёзды и шоумены с отпочковавшимися от них комедивуменами.

Ничего не поделаешь: массовое общество через массовое образование производит массовое невежество, а через средства массовой информации и пропаганды воспроизводит его. Как этому противостоять – вопрос отдельный. Но, может быть, можно (можно попытаться) предложить обществу максимально объективные критерии для оценки величия или ничтожества наших государственных лидеров?

У меня есть собственная формула определения «величия» российских (как, впрочем, и любых других) правителей. Вот она:

Плохой правитель оставляет страну в худшем состоянии, чем получил её.

Ничтожный правитель за два-три года уничтожает величие страны, длившееся десятилетия или даже столетия.

Хороший правитель оставляет после себя страну в состоянии не худшем, чем получил.

Великий правитель оставляет страну в таком величии, что два последующих правителя, если они плохи, не могут это величие порушить.

Гениальный правитель за годы восстанавливает величие разрушенной до него страны и определяет сохранение этого величия на десятилетия вперёд.

Отталкиваясь от этой, по-моему, безупречной формулы, я и решил на основании по возможности объективных, хорошо верифицируемых и одновременно максимально ясных критериев определить величие государственных лидеров, возглавлявших Россию (под разными названиями) в XX веке и до наших дней включительно. Взял десять ключевых фигур. Хронологически: Николай II, Керенский, Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв, Ельцин, Медведев, Путин (Медведев в этом списке стоит раньше Путина потому, что президентство Путина продолжается и сейчас).

Критерии успешности правления

Теперь о критериях. Их тоже десять. И я перечислю эти критерии с кратчайшими (для данного текста) комментариями.

1. В лучшем, примерно в том же или в худшем состоянии оставил страну данный лидер по отношению к тому, какой он её получил. По сути, это самый важный критерий, но для такой сложной страны, как Россия, да ещё и с учётом того, что история – это ещё и история войн (и многого другого), ограничиться только им было бы неправильно. Обозначу этот критерий буквой «И» (итог).

2. Второй критерий (Т) более чем конкретен и легко проверяется – увеличил за время своего правления данный лидер территорию страны или она уменьшилась.

3. Таков же и следующий критерий: численность населения в начале и в конце правления (Н).

4. То же можно сказать и о следующем критерии – уровне жизни населения (У).

5. И этот критерий легко проверяется цифрами – общая мощь экономики России в начале и в конце правления (Э).

6. Общий итог военных побед или поражений (включая Гражданскую войну, а также «необъявленные войны»). Критерий, обозначенный буквой «П».

7. Уровень международной суверенности и реальной внутренней независимости страны при начале и в конце правления (С).

8. Уровень глобального влияния России, включая идейное влияние (Г).

9. Как правитель ушёл из власти: свергнут; вынужден был уйти под угрозой свержения; бежал; ушёл по устоявшейся (законной) процедуре или в результате смерти и пр. (власть – критерий «В»). Это очень важный критерий, и он, я уверен, гораздо важнее того, как правитель власть получил. Прийти к власти можно любым путём, в том числе и путём государственного или дворцового переворота, бунта, революции, то есть, строго говоря, нелегитимно. Например, для монархической системы любой республиканский правитель, взявший власть в стране, не только не правомочен, но и вообще государственный преступник. Но низвержение из власти (любым путём) – это бесспорный проигрыш политика, в том числе и в глазах общества и с точки зрения истории.

10. Негативный, нейтральный или позитивный образ правителя в памяти народа, в массовом общественном сознании (О). Я уже сказал (и чем больше живу, тем больше в этом убеждаюсь), что в конечном итоге именно народ выносит главный, самый точный и самый справедливый вердикт качеству правления и качествам правителя.

Оценки

В следующей ниже таблице я расставил правлению упомянутых государственных лидеров очень простые и всем понятные оценки по всем десяти критериям: «+» – в конце правления ситуация была лучше, чем при получении власти; «-» – хуже; «=» – осталась примерно такой же.

	И	Т	Н	У	Э	П	С	Г	В	О
Николай II	-	=	+	+	+	+	-	-	-	-
Керенский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ленин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сталин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Хрущёв	=	=	+	+	+	=	=	-	-	-
Брежнев	+	=	+	+	+	+	+	+	+	+
Горбачёв	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Ельцин	=	=	-	-	-	-	-	-	-	-
Медведев	=	=	+	+	+	+	=	+	+	=
Путин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Мне нужно дать несколько (далеко не все из возможных) комментариев к выставленным оценкам. Сделаю это совсем кратко и бегло, через конкретные примеры – просто чтобы продемонстрировать логику выставления этих оценок.

Критерий Т. Плюс у Ленина стоит потому, что, взяв власть практически в одной России, он к концу своего правления собрал в виде СССР почти всю, за некоторыми исключениями, территорию бывшей Российской империи. Ельцину я поставил щадящую оценку «=», хотя, строго говоря, ему можно поставить в вину, что многие и делают, участие в разрушении СССР (то есть Большой России). Тогда у него стоял бы в этой графе безоговорочный и справедливый минус.

По критерию глобального влияния (Г) Хрущёв получил минус из-за ссоры с китайским руководством и, соответственно, потери влияния на крупнейшую по населению страну мира.

Иерархия величия правителей

Теперь мне остаётся лишь суммировать выставленные в таблице оценки и проранжировать список данных государственных лидеров согласно этим оценкам.

Ленин 10+

Сталин: 10+

Путин: 10+

Брежнев: 9+, 1=

Медведев: 4+, 6=

Хрущёв: 3+, 4=, 3-

Николай II: 4+, 1=, 5-

Ельцин: 2=, 8-

Горбачёв: 1+, 9-

Керенский: 9-, 1 =

Итак, вот реальная иерархия успешности правления тех, кто возглавлял Россию (под разными названиями) от начала XX века и до сего дня.

Совершенно очевидно, что она делится на четыре уровня.

Верх иерархии. Бесспорно успешные правители, показавшие максимальный положительный результат правления: Ленин, Сталин, Путин и Брежнев. Первые поставлены мною выше Путина не столько в хронологическом порядке, сколько потому, что на годы их правления при-

шлись Гражданская и Великая Отечественная войны, что, разумеется, чрезвычайно усложняло стоявшие перед ними задачи.

Самый низ иерархии. Бесспорно провальные правления и, соответственно, катастрофически неудачные для страны правители (абсолютно отрицательные результаты правления): Керенский, Горбачёв и Ельцин. Строго говоря, Горбачёва, который лишь по одному критерию (прирост населения) обошёл Керенского, нужно поставить ниже премьер-министра Временного правительства, так как Керенский возглавлял страну лишь несколько месяцев, да ещё во время мировой войны и в условиях фактического двоевластия, а Горбачёв – шесть с лишним лет, в мирное время и обладая в начале своего правления почти абсолютной властью.

Чуть выше провальных правителей, но, по сути, немногим отличаясь от них, находится отрицательная фигура (минусов больше, чем плюсов) Николая II. Он получил Россию, причём без всяких усилий со своей стороны, в отличном состоянии. Но, довольно успешно правив ею на протяжении пятнадцати лет (отсюда и четыре плюса), затем стремительно довёл её до краха и распада.

Наконец, промежуточные фигуры, у которых примерный баланс положительных и отрицательных результатов правления (Хрущёв) или отсутствуют очевидные удачи, но и нет большого числа неудач (Медведев).

Тут ещё стоит заметить, что 7 из 10 перечисленных руководителей государства уже ушли из жизни, а Горбачёв не имеет шансов вернуться к руководству страной. И только у Путина и Медведева показатели могут измениться, ибо первый продолжает оставаться в Кремле, а для второго такая возможность не исключена. При этом для Путина такое изменение означало бы только снижение, ибо он уже находится на самом верху, а вот Медведев может как подняться выше, так и опуститься ниже своего нынешнего (промежуточного) уровня.

Достаточны ли критерии?

У многих может возникнуть резонный вопрос: а почему автор проигнорировал столь очевидную и болезненную проблему репрессий и жертв, а также вопрос о демократичности правления того или иного лидера и его реформатство либо отсутствие оногo? Отвечаю, начиная с последнего.

Реформаторство имеет смысл брать в расчёт только в случае успеха реформ и уж точно тогда, когда они не привели к прямой катастрофе, в первую очередь – к распаду страны.

Был ли Горбачёв реформатором? Очевидно, да. Но результат плачевный (в том числе и для него самого). Так что тогда – добавлять Горбачёву лишний плюс как реформатору? Абсурд. То же, кстати, относится и к Ельцину.

Брежнев вот никаким реформатором не был и даже, что бесспорно, ввёл страну в застой (в стагнацию). Но тем не менее он передал её преемникам одной из двух мировых сверхдержав, причем сверхдержавой абсолютно по всем параметрам. Не реформатор, но всё сохранил, даже нарастил и явно со спокойной душой и чистой совестью ушёл в могилу и в историю.

Правда, можно утверждать, что лидеры-реформаторы работают не на настоящее, а на будущее. То есть сознательно проводят страну через кризис (реформы), часто сами ослабляя или даже теряя свою власть, но зато обеспечивают стране лучшее будущее. Я бы согласился с этим, да проблема в том, что, строго говоря, всех упомянутых правителей, за исключением разве что Брежнева, можно так или иначе отнести к реформаторам (контрреформы ведь тоже реформы), только одни были реформаторами успешными, а другие – провалившимися. Посему данный критерий абсолютно никак не повлияет на расстановку правителей в нашей иерархии. Следовательно, этот критерий избыточен. Проще говоря – лишний.

Вопрос жертв («исторической цены») крайне важен. Но, если быть кратким, он поглощается двумя моими критериями: итоговыми показателями роста или падения численности

населения при том или ином правлении (и Сталин здесь оказывается с плюсом, а Ельцин – с минусом), а также историческими обстоятельствами. Могли ли не быть репрессии в ходе вооружённого захвата власти и Гражданской войны (Ленин), послереволюционного термидора (Ленин, Сталин)? Конечно, нет. И не только в России.

С другой стороны, а зачем было Хрущёву не в начале железного XX века, а уже во вполне гуманные и почти пацифистские 60-е годы, да ещё понаездившись по «демократическому Западу», расстреливать митингующих в Новочеркасске? Об участии Никиты Сергеевича в репрессиях времён Сталина я уже не говорю. Ну и, конечно, сразу же встаёт вопрос о расстреле Белого дома (законно избранного демократического парламента) «демократом и реформатором» Ельциным аж в 1993 году! Борис Николаевич за собственную власть сражался не менее яростно (но в условиях конца XX века), чем Сталин в первой его половине.

Второй критерий, по сути вбирающий в себя проблему репрессий, – это «народное признание» (критерий О), а точнее – историческое прощение, полученное от большинства народа за жертвы, принесённые на алтарь достижений и побед, если таковые имелись. И похоже, что большинство народа Сталину, хотя живы ещё многие из пострадавших от этих репрессий, а тем более – их дети, эти жертвы уже простило, а вот Ельцину и Горбачёву – до сих пор нет. Главная причина такого всепрощения очевидна: при Сталине были победы и достижения, у Горбачёва и Ельцина – нет.

Словом, и от критерия «репрессивности правления» я отказался вполне сознательно. Но хотел добавить такой критерий, как «уровень демократичности правления». Но и от него пришлось отказаться. По двум причинам.

Во-первых, я решил проверить эффективность и полезность этого критерия, отталкиваясь от прямо либеральных оценок демократичности наших правителей. Я отбросил весьма спорное понятие «тоталитаризм» и вполне бесспорные, но тавтологичные тому, чем я воспользовался, понятия «тирания», «диктатура» или «деспотия». Сталин, конечно, был тираном и деспотом. Но мне нужны были предельно ясные и одновременно концентрированные определения. А выбрал такие: авторитарный правитель и демократический правитель. И, отталкиваясь как раз от оценок наших либералов (самых, как известно, беспощадных), отнёс к числу авторитарных правителей Ленина, Сталина, Брежнева и Путина, а к числу правителей-демократов Николая II (несмотря на то что был самодержцем и императором), Керенского (несмотря на то что в октябре 1917 года он фактически стал диктатором), Хрущёва (хотя утверждать, что Хрущёв правил демократически, могут только изошрённые остроумцы-парадоксалисты), Горбачёва, Ельцина (хотя лично для меня утверждение «Ельцин – демократический правитель» является абсолютным оксюмороном) и Медведева. А потом приложил эти оценки к тем, что уже были собраны в таблице.

И что получилось? А то, что все четыре авторитарных правителя так или иначе собирали воедино распавшуюся страну (лишь Брежневу не пришлось этим заниматься) и восстанавливали её из послевоенных (Ленин, Сталин) или реформаторских (Путин) руин. И кстати, в конечном итоге наращивали численность населения страны и её размер.

А при большинстве правителей-демократов (Николай, Керенский, Горбачёв, Ельцин) страна распадалась, уровень жизни населения резко падал, международное влияние резко уменьшалось (Керенский, Хрущёв, Горбачёв, Ельцин), а внешний суверенитет и внутренняя независимость истончались (Керенский, Горбачёв, Ельцин). Демократизм такой ценой (это, в частности, к вопросу об «исторической цене»)? Это, по-моему, уже не демократизм, а какой-то мазохизм. По отношению к населению – ещё и садизм. Так что я не за демократию и не за авторитаризм, а за то, что приносит благо стране и большинству её населения. А это чаще всего специфическое для данной конкретной страны сочетание демократических и авторитарных (спокойнее: командных) методов не только управления, но и правления.

Что же касается собственно демократических реформ, то я бы сказал так: не умеешь их проводить без тяжких последствий для страны и населения – не берись! Лучше останься в истории и в памяти народа Брежневым, чем Горбачёвым...

Можно, конечно, взять в расчёт в качестве критерия ещё и совершённые тем или иным лидером государственные перевороты. Но и тут картина весьма парадоксальная для блюстителей демократических ценностей. Государственные перевороты наши отечественные лидеры, считающиеся демократами, осуществляли ничуть не реже, чем авторитарные правители. Это и Керенский (октябрь 1917 г.), а до него и те, кто принудил Николая II к отказу от трона, и Ельцин (осень 1991 и осень 1993 годов). Некоторые считают, что и Хрущёв, и Горбачёв, ослабивший власть государствообразующей и конституционной КПСС. Среди же авторитарных правителей в этом можно обвинить только Ленина и Сталина.

Наконец, выставление плюсов и минусов по данному критерию (демократизм – авторитаризм) несколько бы не изменило итоговую иерархию – каждый бы остался на своём, уже определённом ему плодами его деятельности месте.

Получается, что выделенные мною 10 критериев и необходимы, и достаточны. А предлагать новые можно до бесконечности. Я и сам могу предложить, например, критерий интеллектуальности. Ну и что он даст? То, что Ленин и Сталин поднимутся ещё выше (а куда, собственно, выше?), Хрущёв опустится ещё ниже. Ну и Брежнев получит лишний минус по сравнению, например, с Николаем [L Однако при Брежневе страна сохранилась, а в результате правления интеллектуала (?) Николая распалась. Интеллектуальнее ли Горбачёв Хрущёва? Конечно. Но Никиту Сергеевича только свергли, а Михаил Сергеевич сначала привёл страну к краху и распаду (не желая этого), а уже затем был свергнут.

В политике результат засчитывается не по интеллекту правителя, а по плодам правления.

Так что те, кто не желает согласиться с моей логикой и отобранными на её основе критериями, вольны в своих мнениях. Переубедить я их не собираюсь. А вот если они предложат иной набор критериев и оценок, тогда я и выскажу своё отношение к их «калькуляции». И уж точно найду поводы эту калькуляцию раскритиковать, а эти оценки аргументированно поставить под сомнение.

Комсомольская правда, 11.03.2016

Случилось так, что в данной статье я сделал одну серьёзную ошибку. А именно: написал, что население России при Путине увеличилось. Кто-то из моих читателей сразу же после публикации статьи указал мне на это. И тут же составил текст с соответствующей поправкой и извинениями перед редакцией и читателями «Комсомольской правды» и направил его главному редактору «КП» Владимиру Сунгоркину.

Он счёл, что поправка существенно не влияет на смысл и аргументацию статьи, а потому обнародовал моё письмо не в бумажной версии газеты, а лишь на её сайте.

И я решил не менять для этой книги текст статьи. Просто для того, чтобы никто, заглянув в Сеть и обнаружив там то, что было опубликовано, не обвинил меня в корректировке статьи задним числом. Но ниже я привожу текст моего обращения в «Комсомольскую правду» – с соответствующими уточнениями.

Кстати, по данным Росстата, численность населения России на начало 2018 г. составила 146 877 тыс. человек против 146 890 тыс. в 2000 г. То есть и на данный момент проблема уменьшения населения России Путиным не решена. И в его указе, подписанном прямо в день инаугурации, то есть 7 мая 2018 г., и называемом «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», именно эта проблема обозначена первой, а соответствующая цель формулируется очень конкретно и определённо: «обеспечение устойчивого естественного (выделено мной – В.Т.) роста численности населения Российской Федерации».

Читателям и редакции «Комсомольской правды»

Mea culpa: я ошибся в одном показателе, а соответственно, и в одной из оценок.

Кто-то из посетителей моих сетевых блогов поставил под сомнение то, что за время правления Путина численность населения России – даже с учётом воссоединения с Крымом – выросла. А у меня в статье по этому показателю Путину поставлен плюс.

Хотя я и выверял перед отправкой статьи в редакцию «Комсомольской правды» все цифровые показатели, решил проверить справедливость этого упрёка. И должен признать, что я ошибся, а тот, кто мне на это указал, прав.

Согласно данным Росстата, в 2000 году, первом году президентства Путина, население России составило 146 890 тыс. человек, а 1 января 2016 года – 146 520 тыс. человек. То есть население уменьшилось на 370 тыс. человек.

Соответственно, по показателю Н (население) Путин на данный момент должен иметь не плюс и даже не знак «=», а минус. И, таким образом, в итоговой иерархии он должен переместиться с третьего на четвёртое место – ниже Брежнева (а у меня было наоборот).

Ленин 10+

Сталин: 10+

Брежнев: 9+, 1=

Путин: 9+, 1-

Почему я ошибся? Из-за невнимательности (показатели очень близки), но главное, из-за того, что начиная с 2010 года численность населения в России каждый год растёт. Под влиянием этой динамики мой глаз и оказался.

Мне очень жаль, что так получилось, и я приношу всем, кто прочитал мою статью, и в первую очередь читателям «Комсомольской правды» и редакции газеты, свои извинения.

Мне тем более обидно за эту ошибку, что я, составив первый вариант таблицы своих оценок и просуммировав их, обнаружил, что тройка лидеров (Ленин, Сталин и Путин) имеет абсолютно одинаковые показатели – по десять плюсов. Само по себе это маловероятно, что подтверждается и тем, что во всех иных случаях нет ни одного полного совпадения показателей.

Я ещё раз проверил все свои оценки и некоторые изменил, скорректировал. Не в целях какой-либо лакировки, а ради объективности. В результате, например, незначительно, но улучшились показатели Хрущёва и Ельцина. Что, впрочем, не изменило расстановку персонажей в общей итоговой иерархии. Но и в ходе этой проверки оценка Путина по изменению численности населения страны у меня осталась той же – плюс, хотя я ещё раз просмотрел соответствующие статистические данные.

Итак, хотя моя статья является не научным, а журналистским текстом, пусть и аналитическим, я должен признать, что этой своей оценкой, пусть и невольно, я исказил истину.

Однако ещё раз обращаю внимание читателей на то, что моя ошибка не повлияла на итоговую расстановку руководителей России – Путин хоть и опустился на одно место, но всё равно остался в той же группе лидеров, с большим отрывом опережающих всех остальных, чья деятельность анализировалась в моей статье.

Сайт «Комсомольской правды», 16.03.2016

Двор плюс аппарат (К вопросу о том, какое государство строится в России)

Эта статья написана в 1993 году, за шесть лет до того, как Владимир Путин превратился в российского политика номер один. Написана на основе анализа той конфигурации высшей власти в России, которая сложилась при Ельцине, причём после сентябрьско-октябрьского государственного переворота, осуществлённого «первым президентом России».

По-моему, в статье очень внятно и объективно описана система высшей власти, сохраняющаяся в нашей стране ещё с царских времён, воспроизведённая большевиками (причём отнюдь не только при Сталине и Сталиным), затем – «демократом» Ельциным и продолжающая жить и процветать при Путине, затем при Медведеве и, наконец, вновь при Путине, то есть до сих пор.

Хорошо это или плохо – вопрос отдельный (впрочем, и он разбирается в других моих статьях), но главное – такова политическая реальность. Изменится ли она после того, как Путин окончательно покинет высший прост в Государстве Российском? Я думаю, что не изменится. Во всяком случае, не при нашей жизни, как принято выражаться. А потому при серьёзном политическом анализе любых событий в нашей стране то, что описано и написано в данной статье, надо всегда иметь в виду.

Последняя пресс-конференция Бориса Ельцина и серия его недавних указов, касающаяся реорганизации важных государственных служб (госбезопасности, телерадиосистемы), окончательно определили, каким будет государственное устройство России в ближайшие десятилетия. Если, конечно, все задуманное удастся.

Во-первых, фактически восстанавливается классическая советская система централизованного управления жизнью страны и общества. Правительство, сформированное так или иначе по отраслевому принципу, руководит всем, чем можно руководить, и контролирует все остальное, что действует как самостоятельные рыночные или коммерческие структуры. Само правительство, важнейшие политические и силовые министерства, верхушку судебных и правоохранительных органов, а также поведение всех высших чиновников, депутатов парламента и крупнейших свободных предпринимателей контролирует аналог бывшего ЦК КПСС – Администрация Президента, в которой есть свое «Политбюро» (группа наиболее приближенных к президенту лиц).

Во-вторых, восстанавливается и традиционный самодержавный механизм управления страной, включающий особые элементы царского быта, общения с народом и проведения политики как непосредственно, так и через раздачу привилегий, льгот, sinecur, должностей и т. п. Уже есть личная гвардия президента (президентский Кремлевский полк), есть министерство двора (Управление делами, ведающее зданиями, поместьями, угожьями, выездом – автомашинами и самолетами), есть третье отделение личной Его Императорского Величества Канцелярии (президентская служба безопасности) и т. д.

Создание президентской партии должно обеспечить нужную монарху-президенту идеологию чиновничества, сформировать его социальную и политическую базу, но не в обществе, а во всевластном Аппарате, продолжающем функционировать на всей территории страны. Конечная цель создания такой партии – обеспечить престолонаследие по воле ныне царствующего монарха, а не в силу превратностей выборов и других непредсказуемых, хотя и необходимых для соблюдения декора демократических механизмов.

Конечно, престолонаследие будет династическим не в физиологическом смысле слова, а в политическом: наследников будет поставлять не царствующий дом, а властвующий Двор через президентскую партию и Аппарат.

Еще одна задача Двора – контролировать раздел колоссальных богатств России и бывшей (и нынешней) госсобственности в интересах своих членов, а также лояльных Двору чиновников и коммерсантов.

В силу самой сути этого механизма (если, конечно, все пойдет, как задумано) на президентские выборы 1996 года может быть выставлена всего одна кандидатура – Бориса Николаевича Ельцина (как это обеспечить и провести через парламент – вопрос технический) – или другого, но тоже одного кандидата. Или двух-трех, но на таких условиях, когда очевидно, кто победит. Пока Двор не разделит всю собственность по нужным ему правилам, пока он не будет уверен, что новый президент не ликвидирует сам Двор, как Ельцин КГБ, у России не будет нового президента.

По сути, Борис Ельцин поступил так же, как большевики, которые сначала разрушили старую систему управления, а потом, поняв, что демократически они не в состоянии и управлять страной, и оставаться у власти, не деля ее с другими, восстановили централистское самодержавное государство. И даже в еще более жестких формах.

Разумеется, конец XX века – это не его начало даже в России. Потому, например, императорский Двор не имел своих структур, контролирующих СМИ. А современный Двор сразу обзавелся ими. Конечно, нынешние «демократы» (в этом смысле – точно в кавычках) не настолько большевики, чтобы ликвидировать рынок. Они пытаются его в своих интересах создать. Но к проблеме политической демократии это не имеет отношения, ибо полная политическая демократия меняет конкретных носителей власти помимо, а чаще всего и против их воли. Экономическая свобода, но под нашим контролем – вот их лозунг, находящий оправдание в том, что полная свобода есть анархия (что правда). Неправда в том, что мера неполноты свободы должна быть равной для всех. Это есть демократия. Но это не есть возможность властвовать, сколько хочешь, и брать, сколько унесешь.

Итак, создается помесь Двора с Аппаратом – худший симбиоз из всех возможных, ибо неизбежный произвол Двора не гасит произвол Аппарата, а умножается на него.

Взгляните на текст Конституции с этой точки зрения, взгляните на нашу историю последних полутора лет, проанализируйте политические шаги президента за осень – начало зимы. Всё, абсолютно всё подтверждает эту тенденцию. И особенно – персональные назначения и смещения. (Фаворитизм – неперемный атрибут жизни Двора.)

В чем объективное оправдание этой тенденции? Только в том, что волею судьбы пришедшие к власти люди не умеют управлять демократически и не умеют демократически решать проблемы.

Оправдать же пытаются тем, что такая форма правления исторически свойственна России. Была – в свое время. Но исчерпала себя национальным крахом сначала в 1917-м, а затем в 1991 году. Всё. Двойной крах одной и той же модели в одной стране. Разве это не лучшее доказательство порочности модели, неприемлемости ее для России XX века? Безусловное и лучшее доказательство. Однако модель восстанавливается в третий раз. И в третий раз она рухнет.

Значит ли это, что модель недееспособна вовсе? Конечно, нет. Некоторые проблемы она позволяет решить. Особенно если будет использоваться в крайнем варианте – в варианте Жириновского. Надежды Егора Гайдара, что с помощью этой модели можно и настоящие реформы проводить, и свободы сохранить, – либо иллюзия, либо самообман, либо обман. Тем более что неизбежный и неперемный элемент этой модели – ложь и дворцовые перевороты. Однажды Егор Гайдар уже пал жертвой такого переворота. Что ж, он испытает это удовольствие еще раз. Обязательно. В награду за то, что между демократией и рынком выбрал только рынок. Хотя сам может и заблуждаться на сей счет.

Кстати, боюсь, что КГБ (МБ) ликвидирован не столько за то, что оставался слишком сильным и мог самостоятельно возродить политический сыск против демократически настро-

енных граждан страны. Но главным образом за то, что его не смогла полностью подчинить себе новая власть, прекрасно понимающая, что в неподконтрольных ей до конца системах копится информация о новых хозяевах страны. Я бы только радовался, если бы КГБ был распущен демократическим режимом, хотя даже ему сыск необходим. Но недемократический режим просто желает иметь это оружие только в своих руках.

Независимая газета, 25.12.1993

Сталин – наше всё (Русское реформаторство как диктатура)

И вот – 1999 год. Путин уже несколько месяцев как глава правительства. Он уже успел продемонстрировать свою решительность и умение действовать – в первую очередь во второй Чеченской кампании. Уже состоялись думские выборы, на которых партия, созданная в поддержку Путина, хоть чуть-чуть и уступила коммунистам, но оставила позади себя все остальные провластные, то есть ни в коем случае не желающие отдать власть коммунистам, партии и блоки. Этого было достаточно, чтобы продемонстрировать, кто остаётся хозяином в Кремле и в России.

Но Ельцин ещё не объявил о своей отставке и назначении Путина и.о. президента – до этого момента остаётся ещё десять дней. Зато наступает историческая дата – 120-летие со дня рождения Иосифа Сталина. И я публикую статью, в которой... Впрочем, сейчас вы всё прочитаете сами.

Вчера, 21 декабря, был знаменательный день. С одной стороны, ровно девять лет с момента выхода первого номера «Независимой газеты». С другой – что гораздо более значимо для страны, всего мира, XX века, а пожалуй, и всего второго тысячелетия, – в этот день 120 лет назад, согласно официальной историографии, родился Иосиф Виссарионович Джугашвили, вошедший во всемирную историю под именем Сталин.

Кажется, все банальное и все оригинальное, что могло быть у нас в стране о Сталине написано и напечатано, уже и написано, и опубликовано. Кажется, нам уже больше нечего сказать о нем. Или – о Нем, как написал бы кто-либо другой, а может, и я, но в другое время.

Кстати, мы даже не замечаем, как многое в нашей повседневной жизни, не говоря уже о политической и государственной, осталось того, что придумано и разработано лично Сталиным или под его личным руководством. О мелочах быта говорить не буду, а вот, например, такое понятие и явление, как правительственная трасса. А на ближней сталинской даче (Волынское) до сих пор кремлевскими экспертами разрабатываются проекты реформ и проекты президентских посланий Федеральному Собранию. А главное, конечно: вся наша номенклатурно-бюрократическая система скроена по-прежнему по сталинской колодке. Наш чиновник – генетический сталинец, хотя может быть и антисталинистом в душе.

Москва, архитектурная и политическая, – вообще город Сталина.

Последнее время, правда, от многого начали отходить, так сказать, оттаивать...

Кто же он, Иосиф Джугашвили-Сталин?

Безусловно, это один из величайших политиков мира в XX веке, и кажется, этого не отрицают на Западе.

Сталин, безусловно, диктатор, причем кровавый.

Между этими двумя полюсами (а полюса ли это?) – истина.

Моя задача – не открывать ее, ибо не под силу.

Моя цель – сделать несколько юбилейных штрихов.

* * *

Я задаюсь вопросом: если бы Петр Великий, фигура, безусловно, исполинская и традиционно положительная и в писаной русской истории, и в фольклоре (где, правда, в некоторых сусеках существует и образ Петра-Антихриста), так вот – если бы Петр Великий встал из гроба

и оглянул нашу историю от сегодняшних дней назад, кого бы он мог назвать своим настоящим и полноправным наследником?

Ответ очевиден. Только Сталина.

Ибо именно Сталин воплотил в жизнь как геополитические, так и индустриальные заветы Петра Великого. Более того – даже превзошел их.

Правда, Сталин не внедрил, как мечтал Петр, западного образа жизни в России. Но ведь и у Петра не все получалось.

А кто из них был большим диктатором, еще можно поспорить. Александр Пушкин, например, написал на сей счет «Медного всадника».

Кстати, мне всегда было смешно видеть на эмблеме очевидно антисталинского «Демократического выбора России» (кто не помнит, это партия Гайдара) того самого Медного всадника, то есть конную статую императора-диктатора. «Демвыбор России» отвергает, естественно, и империю, и диктатуру. Но эмблему-то не я им выбирал.

Петр Великий был еще реформатор и западник. А если и диктатор, то просвещенный. А разве Сталин не был реформатором? Разве не был просвещенным? Кто еще из правителей России в XX веке мог весьма профессионально рецензировать произведения литературы, кинематографии, театра, архитектуры, музыки? Кто мог даже направлять ход искусства? Конечно, в рамках определенной идеологии. Но профессионально. Кто? Вот Петр Великий мог. А в XX веке? Даже Ленин, будучи куда как образованней Сталина, не мог и опасался.

Сталин, в отличие от Петра, не западник. Просто потому, что он, с одной стороны, верил в Россию как особую цивилизацию, был, так сказать, неформальным или пролетарским византийцем, а с другой – сам собирался цивилизовать весь мир на советско-коммунистический манер.

Сталин фактически восстановил и империю, и монархию (последнюю, правда, не в качестве наследственной). Страна, государство и реформы для Сталина были как ценности выше населения, людей, отдельного человека. Стоп! Здесь пора переходить к современности. Ибо в России так было всегда: и до Сталина, и после него, вплоть до наших дней: люди – лишь сырье, материал, топливо для реформ. И потому они должны терпеть и ждать.

Я утверждал, что на думских выборах 19 декабря 1999 года Россия выбрала прагматиков. Если отжать в прагматике все личностно-человеческое, то классическим типом прагматика – Великого и Ужасного – будет Сталин.

Сталинские черты я вижу в двух главных прагматиках сегодняшней России, в Чубайсе и Березовском. Естественно, в Гайдаре. Безусловно, в Путине. Очевидно – в Ельцине. Даже в Примакове. Само собой – в Лужкове (нет в нем, правда, сталинской аскезы и сталинского эстетического вкуса). О Шаймиеве и Рахимове я уже не говорю. В Кириенко проглядывают сталинские черты. В Никите Михалкове. В Зюганове.

Вот в Анпилове ничего сталинского нет. В Явлинском, кроме партийного культа личности, ничего. В Горбачеве – очень мало.

Что такое, по сути, Сталин? Жестко и жестоко целеустремленный прагматик, рассматривающий государство как доверенную ему историей, Лениным, революцией геополитическую систему, нуждающуюся в совершенствовании до уровня государства идеального, где счастье государства равно счастью людей.

Что такое наши реформаторы, как не разного калибра Сталины?

Что такое все оставившие след в истории так называемые великие люди, как не Сталины?

Разница в одном: некоторые, единицы, в какой-то момент личной диктатуры переходят к устройству гражданского общества, которое смогло бы функционировать после них. Большинство этого не делают.

Сталин – наше всё. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры, политической в том числе.

Если бы Сталин жил сегодня, никаких концлагерей, конечно, не было бы. Сталин знал границы допустимого в собственной стране и в мире для каждой исторической эпохи. Он же был прагматик.

Просвещённый чекист Владимир Путин, просвещённый жестокий реформатор Анатолий Чубайс, просвещённый олигарх Борис Березовский – вот три лика Сталина сегодня. Сталина как квинтэссенции русского прагматизма и квинтэссенции русского реформаторства – жестокого, бесчеловечного, насильственного. Редко эффективного, чаще – неудачного. Главное – вовремя остановиться.

Сталин создал идеальную монархию, но из двух ее возможных плодов – номенклатурно-чиновнического класса и гражданского общества – сумел породить только первый. В этом его ограниченность. Его проклятие.

Не ругайте Сталина те, кто, не сделав больше страшного, не сделал и больше славного и особенно доброго. А если ругаете, то представьте себя сидящим в Кремле: не выйдет ли из вас более Ужасный, но менее Великий Сталин?

Независимая газета, 22.12.1999

Диагноз: управляемая демократия (И объяснение диагноза всем тем, кто бьется в истерике)

31 декабря 1999 года Борис Ельцин объявил, что складывает с себя полномочия президента России и передаёт высший пост в стране своему преемнику Владимиру Путину. Естественно, я не мог не отреагировать на это событие, но по сложившейся к тому времени в стране традиции ни ежедневные газеты, ни еженедельники в первые двенадцать дней нового года не выходили. А за эти двенадцать дней на неожиданное для всех решение Бориса Ельцина успели среагировать многие известные политики страны, в том числе и находившийся тогда в оппозиции к Ельцину Юрий Лужков. Он поставил под сомнение демократичность решения сложившего с себя полномочия бывшего президента, что само по себе было нонсенсом, так как уж чем-чем, а демократичностью ни сам Лужков как личность, ни стиль его правления в Москве никогда не отличались.

И вот именно это – непонимание одним из столпов ельцинского режима (и ещё многими другими как патентованными демократами, так и теми, кто демократом только прикидывался) того, какой политический строй сложился в России, – и задало ход моих рассуждений в этой статье. А результатом этих рассуждений стало вынесенное в заголовок определение политического устройства России на тот момент (и до сего дня, то есть в весь период правления Путина): управляемая демократия.

Этот термин, с тех пор ставший расхожим, до меня никто не употреблял (что легко проверить, если пройтись по сетевым поисковикам и обратить внимание на соответствующие даты), а мне он пришёл в голову по ходу написания данной статьи.

Определение «управляемая демократия» очень точно, но слишком лапидарно, а посему я хочу обратить внимание читателей на содержащееся в статье более пространное определение властного (политического) режима современной России: «Авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического, слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства». Конечно, за годы своего правления Владимиру Путину удалось резко усилить федеральный центр и тем самым предотвратить распад России, опасность чего была в 1999 году вполне реальной. Но в остальном все составляющие этого определения по-прежнему остаются актуальными, хоть и в несколько ослабленном виде.

В любом случае, данная статья является, по моему мнению, ключевой для понимания того, в каких условиях и как действует Владимир Путин, управляя современной Россией.

Юрий Лужков, запугавший осенью прошлого, 1999 года всю политологическую элиту страны своими рассуждениями о том, что «у нас не власть, у нас режим», сам того не подозревая, все-таки поставил, хоть и неграмотно, один из фундаментальных вопросов сегодняшнего дня в России, ставший особо актуальным после артистичной отставки Бориса Ельцина. Конечно, придворные политологи ОВР, даже будучи грамотными специалистами, не решились поправить начальника, хотя бы объяснив ему, что «власть» и «режим» не только не понятия с противоположным знаком, но даже и вообще не понятия одного ряда.

Простое чувство родного (русского) языка, вполне адекватно передающего все понятия политики как науки, должно было бы подсказать мэру, что в выражениях «демократический режим» и «коррумпированная власть» положительная и, соответственно, отрицательная оценки заложены в определениях, а отнюдь не в определяемых словах. Более того, реален (и даже часто в жизни встречается) такой феномен, как «коррумпированная власть при демократическом режиме» (правда, в этом выражении слово «власть» тоже употребляется не в строго научном смысле).

Дело, однако, не в политологической неподкованности Юрия Лужкова и не в невозможности для его советников поправить шефа (явный признак деспотии в ОВР и в московской администрации, что, видимо, и имел в виду мэр, правда, адресуя это обвинение не режиму своей власти, а Кремлю). Дело в вопросе, волнующем сегодня, после воцарения (пока еще не через выборы) Путина, очень многих. Особенно – как всегда мятущуюся у нас между обожаанием власти и страхом перед ней интеллигенцию.

На саму интеллигенцию, в общем-то, наплевать – она достаточно лабильна, чтобы подстроиться и под любую власть, и под любой режим. Но дело в том, что народ (общество) говорит своим голосом либо во время революций, либо в день выборов. Все остальное время за него, а часто и вместо него говорит в России как раз интеллигенция (в последнее десятилетие еще и СМИ, но и в них правит бал интеллигенция; а в последние годы еще и социология, но и данные опросов комментируют, интерпретируют, а часто и программируют те же интеллигенты).

Итак, мятущаяся интеллигенция задает вопрос, точнее, целую пулеметную очередь вопросов: а мы уже в диктатуре или еще только на пороге ее? И как это так получилось – ведь мы же такие хорошие? И все, что нужно, делали: коммунистов сбросили, за демократию выступали, Советы разогнали, за Ельцина голосовали, частную собственность отстаивали, с Западом советовались – даже в рот ему смотрели, ноги ему мыли и воду с них пили. Почему? За что? И что же такое у нас, в этой одуревшей (помните крик интеллигента в декабре 1993 года?) России получилось?

Мне представляется, ответ на этот вопрос (и на всю очередь этих вопросов) есть. Вполне четкий. Не до конца оптимистический, ибо еще многое не прояснилось в жизни. Но совсем не страшный. Более того – вполне обнадеживающий.

Теперь я, наконец, назову то, во что мы уже давно, а не только что, вошли. Это не диктатура, не деспотия. Это авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического, слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства.

Я, конечно, тоже, как и Лужков, не доктор политологии и могу ошибиться в точности некоторых формулировок. Но, уверен, в целом и в сути не ошибаюсь.

Двумя словами я все это вместе называю так: управляемая демократия.

В рамках этого определения разница между Россией 1992 года, Россией 1996 года и Россией 1999–2000 годов как раз есть.

В 1992 году в России была скорее просто протодемократия с элементами охлократии. В результате ельцинского госпереворота 1993 года получилась слабоуправляемая демократия. А с момента отставки Примакова и особенно с назначением премьер-министром и и.о. президента Путина – сильноуправляемая демократия, или собственно управляемая (как сформировавшийся тип власти) демократия.

Хорошо это или плохо? Это лучше, чем деспотия (диктатура) и даже чем авторитаризм, но хуже, чем просто демократия.

Что победит? Пока не ясно. Ибо управляемая демократия – это переходный этап от жесткой управляемости (диктатуры) к собственно демократии.

Но очевидно, что и исторический, и политический векторы пока по-прежнему направлены в сторону демократии. Впрочем, не просто очевидно, а и доказательно.

Вспомним некоторые этапы истории нашего парламентаризма.

В 1917 году большевики во главе с Лениным берут власть, имея собственный демократический лозунг «Вся власть Советам!», но не могут проигнорировать и не менее популярный в обществе лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Выборы в Учредительное собрание большевики, однако, проигрывают: у них нет большинства.

Что делает Ленин? Правильно. Незаконно распускает Учредительное собрание, а затем, подавляя сопротивление (в том числе и вооруженное) его сторонников, переходит к революционному террору.

В виде Советов в стране возникает управляемая демократия. Реальной, однако, демократия остается в партии, в частности – на съездах партии.

К власти приходит Сталин. При нем управляемая демократия в виде Советов становится квазидемократией, но в партии демократия остается. Тогда Сталин доведенным им до совершенства методом «Главное – не как голосуют, а как считают голоса» превращает внутрипартийную демократию в управляемую. А затем с помощью террора и ее трансформирует в квазидемократию. Еще один цикл истории российского парламентаризма завершен.

К власти приходит Горбачев. Основной лозунг – одемокрачивание партии (возвращение к «ленинским нормам»), но главное вновь – «Вся власть Советам!» (подразумевается – а не КПСС).

Горбачев не сумел и не успел одемократить партию, зато «Всю власть Советам» практически дал. В результате его зажали в клещи и свергли совместно неodemокраченная часть КПСС (ГКЧП) и переродившаяся в охлократию интеллигенции власть Советов во главе с Ельциным.

Горбачев не смог перейти к управляемой демократии, что, в частности, советовал ему Андраник Мигранян, говоря о железной руке.

Воцарился Ельцин – лидер демократически-охлократического движения, существовавшего в рамках Советов. В ленинской, коммунистической форме! Но имеющей видимое преимущество в глазах Ельцина (и других): во-первых, Советы привели Ельцина к власти де-юре; во-вторых, Советы казались антиподом КПСС.

Наступила полная демократия. И перед Ельциным, как до того перед Сталиным, а до него – перед Лениным, и до них – перед Николаем II, встала все та же проблема: парламентская демократия (царские Думы, Учредительное собрание, Советы, партийные съезды) мешает управлять тому человеку, который наделен высшей исполнительной властью в стране. Особенно если они (Советы, съезды партии) имеют право этого человека снять с должности.

И Ельцин делает, лишь пару лет честно поборовшись с неуправляемой демократией, что? Правильно. То же, что царь с Думами, Ленин с Учредилкой, Сталин с Советами и съездами партии (Горбачев вот не решился – и проиграл). Ельцин незаконно 1) отменяет действующую Конституцию; 2) распускает Съезд и Верховный Совет народных депутатов РСФСР; а поскольку часть депутатов этому противится, то и 3) расстреливает парламент.

Чем Ельцин лучше царя, Ленина, Сталина? Ничем. В этом.

Но дальше Ельцин совершает нечто новое в российской политической истории. Он делает шаг не в сторону диктатуры или деспотии. Он назначает выборы в Думу – в новый парламент. Имея целью (сознательной или подсознательной) установление управляемой демократии.

Гигантский шаг! С четвертой, считая от императора, попытки, а с учетом «оттепели» Хрущева и политической перестройки Горбачева – даже с шестой попытки.

Обо всем рассуждающая, но как всегда ничего не понимающая русская интеллигенция, естественно, опять миф приняла за реальность, а реальность (парламент с наличием в нем коммунистов, а не только себя) за миф.

В 1996 году, на президентских выборах, управляемость нашей демократии была продемонстрирована во всей красе. Проблема оказалась в другом: Ельцин был плохим управленцем. Он умел управлять демократией как управляемой, но не умел – как демократией. А главное – он плохо управлял страной.

Но демократического импульса не погасил, к деспотии не свернул. Несмотря на то что сконструированная им управляемая демократия захотела его же и свергнуть (через процедуру импичмента).

И вот Ельцин, на излете своей власти, наткнулся на Путина. Или ему подсунули Путина. Не важно.

Путин (вместе с Ельциным) разумно решил продлить жизнь управляемой демократии, по крайней мере, еще на один срок.

Почему? Эгоистические мотивы, конечно, присутствовали. Но главное – опасение, разумное, обоснованное, что отход от управляемой демократии вернет страну к охлократии (через изменение Конституции), к демократии неуправляемой, к анархии.

Управляемая демократия – это когда голосует народ, а люди, находящиеся у власти, чуть-чуть выбор народа корректируют. В чью пользу? В свою, разумеется.

Вот и всё.

Итак, управляемая демократия – это демократия (выборы, альтернативность, свобода слова и печати, сменяемость лидеров режима), но корректируемая правящим классом (точнее, обладающей властью частью этого класса). Это то, что есть у нас.

Авторитаризм – это сохранение некоторых демократических институтов, но безальтернативность выборов, оппозиция в политическом гетто, ограниченная свобода слова и печати, полностью карманный парламент. Этого у нас нет.

Деспотия (диктатура) – это не демократия и демократические институты, если они сохраняются, то только в виде декорации; никаких свобод, никакой оппозиции, цензура, никакой многопартийности, несменяемость власти до смерти диктатора или до свержения его путем переворота или революции. Этого нет и в помине – нив реальности, ни на горизонте.

Отсюда и вывод. Пока нет осязаемого перелома к отходу от управляемой демократии в сторону ни деспотии, ни тем более в сторону охлократии. Переход к полновесной демократии – не гарантирован, но процесс явно продолжает идти в этом направлении. И никаких, абсолютно никаких признаков иного нет.

Путин сломается. Его заставят. Его вынудят обстоятельства. Может быть. Но пока не сломался. Пока не заставили. А если обстоятельства – то это уже не Путин, это нечто исторически неизбежное.

Может быть, Путин лицемер и злодей? Может быть.

Может, он использует механизмы управляемой демократии лишь для 1) окончательной легитимизации своей власти через выборы 26 марта и 2) для возведения Ельцина на декоративный, но все-таки официальный престол главы Высшего Совета России и Белоруссии, а затем перейдет к осуществлению своей (или чьей-то) главной цели – к установлению деспотии?

Может. Но зачем? Зачем, если управляемая демократия позволяет сделать все, что необходимо России?

Зачем это Путину, если он знает, что диктатуру в России можно установить, но нельзя удержать более недели?

Подозревать Путина в худшем мы можем. Требовать гарантий от худшего – обязаны. Критиковать – призваны. Но трезво оценивать реальный ход реального исторического и политического процесса и его очевидное направление – тоже не мешало бы.

Хотя бы для того, чтобы не заходить в истерику, а дело делать.

Независимая газета, 13.01.2000

Вся правда о Путине (Для тех, кто считает, что «мы его не знаем»)

Отказ Ельцина от власти и передача её в руки до того мало кому известному Путину вызвали большую сумятицу в рядах столичной элиты, самая мощная, как ей казалось, группировка которой уже приготовилась к захвату (но через выборы, то есть с использованием механизма именно управляемой демократии) власти в стране. Центральной фигурой в ней был Юрий Лужков, который первоначально претендовал лишь на пост главы правительства при президенте, каковым должен был стать Евгений Примаков. Массированную информационно-психологическую подготовку этого плана вели СМИ из медиаимперии Гусинского, вокруг которых группировались все антиельцинские (а в реальности уже антипутинские) партии и партийные объединения.

Со временем Лужков при поддержке Гусинского (которого Примаков как президент не удовлетворял идеологически, да и человечески) должен был «мягко» оттеснить Примакова от президентства и занять его место в Кремле.

И вот весь этот план рухнул. Вроде бы нужно было сдаваться на милость победителя (что позднее Лужков, уже после победных для Путина президентских выборов 26 марта, и сделал), но первоначально потрясение от поражения было так сильно, что вылилось хоть и не в открытое сопротивление, но в попытку замутировать общественное сознание рассуждениями о том, что Путин – это тёмная лошадка, от которой не известно, что ждать. Особенно – что хорошего ждать.

Следующая ниже статья, опубликованная за полтора месяца до выборов, на которых Путин победил, и была моим ответом на эти рассуждения и соответствующие вопросы, самым известным из которых стал заданный в Давосе в 2000 году американской журналисткой – «Who is Mr Putin?» Кстати, я присутствовал в зале Давосского форума, когда этот вопрос был задан, и слышал, сколько робко-невнятно отвечали на него четыре российских политика – Касьянов, Чубайс, Кириенко и ныне забытый Константин Титов, к которым этот вопрос был обращён.

Редакция «НГ», итак не страдающая от недостатка материалов, сейчас буквально завалена статьями на тему «Кто вы, товарищ (господин – в случае наличия у автора некоторых симпатий к и.о. президента) Путин?»

Лично я уже устал слушать рассуждения о том, что «мы Путина не знаем».

Во-первых, чаще других об этом говорят люди, которые лучше других знают Путина (политики) или уже обладают достаточной информацией, чтобы его знать (политологи).

Например, могу ли я считать, что Евгений Примаков, утверждающий, что «мы» мало знаем о Путине, вполне искренен? Ведь пока Примаков был премьер-министром, Путин работал директором ФСБ. А до того Евгений Максимович контактировал с ним в качестве главы российского МИДа – оба были министрами «со звездочкой», президентскими министрами. Чего же более?

Если «мы» не знаем Путина, то пусть Евгений Максимович нас просветит. Он не знает Путина не может.

Или Юрий Лужков, тоже заявивший во всеуслышание, что Путин – для него нечто вроде НЛО. Сам же за два дня до этого уфологического заявления чуть ли не два часа с Путиным беседовал, до того – привечал его на своей инаугурации, до того боролся с ним, как и со всей прочей кремлевской камарильей, всю осень. Не знал, с кем боролся? А еще сокровенная информация лужковских агентов (а ведь каждый крупный политик у нас имеет свою сеть агентов в Кремле, в Белом доме, даже в более укромных местах). И все не знает?

Нам, простым москвичам, мэру столицы и шефу «Отечества» должен бы рассказать всю правду о Путине, коль скоро мы, простые, сдуру и от незнания можем за него проголосовать. А Юрий Михайлович от нас ждет правды.

Это какую же правду я, например, могу о Путине рассказать Лужкову или Примакову?

Конечно, все наверху о Путине всё знают. Ну не всё – главное. Не знают только одного – что, может быть, для них и есть самое главное? – как Путин поступит лично с ними после 26 марта. Это знание, конечно, дорогого стоит, но к всенародной правде о Путине оно имеет малое отношение.

Абсурдность затянувшихся рассуждений о Путине как о некоей «терра инкогнита» почувствовал даже Евгений Киселев, сам приложивший немало усилий на создание и раздувание этого мифа.

Хватит. Надоело.

Если того, что говорит и делает ВВП, кому-то недостаточно, я объясняю для самых бестолковых, что такое этот ВВП и что он будет делать после 26 марта.

Информации для этого более чем достаточно. Более чем.

И интерпретировать ее легко. Как и информацию о большинстве других политиков – с нашим-то опытом «краткого курса ельцинизма»!

Но вернусь к Путину.

Что мы о нем уже знаем? Немало.

Он выходец из КГБ-ФСБ. Молод. Работоспособен. Трудился вместе с либерал-радикалами. Как политик и функционер сформировался не в советское время, даже не в перестройку – в период ельцинских реформ.

Он жестче, чем мягкий генерал Бордюжа, за что и получил его место секретаря Совета безопасности.

Он назван Ельциным преемником – более того, Ельцин фактически в его пользу отказался от власти. Кандидатура Путина была одобрена семьей.

Он жестко, несмотря на нарастающую критику, провел операцию в Чечне.

Он сказал, что террористов будет мочить даже в сортире, хотя это не эстетично и, судя по всему, есть нарушение права террористов на свободное справление нужды.

Он сто раз повторил, что вопрос целостности России не обсуждается. И уже десятки раз повторил слова о своей приверженности рыночным реформам, правам человека и гражданским свободам.

Кроме того, он обнародовал свою большую и весьма показательную статью.

Я могу перечислять еще десятки примеров вполне определенных слов и дел Путина. Но и сказанного хватит – любой легко вспомнит остальное.

Теперь – что такое Путин? Ответ главный, вбирающий в себя все остальное:

Путин – государственный, или державник. Все иное в нем, включая знание немецкого языка, катание на горных лыжах, посещение церкви, дочек, играющих на скрипке, встреч с Михалковым-Кончаловским и Гергиевым и прочая, и прочая, – второстепенное.

Что будет делать Путин после 26 марта?

Он будет делать все, что будет полезно с его точки зрения для укрепления России как государства и как нации. Все. Этой главной цели будет подчинена вся его деятельность.

Но он будет делать это «всё» не просто по собственному хотению, а:

1) исходя из реальных возможностей России (если чеченских террористов можно добить, то будем их добивать, а с Советом Европы – менее значимая проблема, разберемся – не в смысле «мочения» – потом);

2) исходя из того, что эффективно сегодня для укрепления России как государства и нации: если эффективна либеральная экономика – будет либеральная; если выяснится, что эффективнее мобилизационная – будет мобилизационная;

3) исходя из реальных условий, в которых существует сегодня Россия в мире, и правил игры, принятых в этом мире: открытость границ, Интернет, глобализация, гражданские свободы, права человека, свободные СМИ и т. п. Путин знает, что железного занавеса давно нет и воссоздать его невозможно; что властного ресурса на введение диктатуры ради отложенной демократии в стране просто нет;

4) наконец, исходя из того простого постулата, что «правила игры» в мире создают сильные, а выполнять их заставляют слабых. Сами же сильные в случае нужды (угрозы своим интересам) эти правила нарушают. Иногда беспардонно – врубая для прикрытия пропаганду на всю мощь (Косово), иногда скрытно, иногда, что особенно модно сейчас, точно. На сей случай (нарушения «правил игры») есть и специальное правило. Собственно, я его уже сформулировал: для того чтобы нарушать «правила игры», нужно быть сильным или (примечание первое, и оно же последнее) казаться сильным.

Что здесь неясного? Какая «терра инкогнита»?

Может быть, вам нужны конкретные ответы на совсем уж конкретные вопросы?

Можно и конкретные.

Попытается ли Путин освободиться от пут Семьи и олигархов?

Непременно.

Будет ли нарушать права журналистов?

Не будет. Если только это не зарубежный журналист без документов, вступающий в контакт с врагом, в результате чего солдаты армии России выглядят не как освободители (на своей территории), а как исчадия ада.

Почему в этом случае Путин будет действовать так? По той простой причине, что целостность России для него есть условие сохранения России и государства в ней, есть необходимое условие для того, чтобы в этой России была свобода слова. Свобода слова без России Путину не нужна. Нужна только вместе с Россией.

И по второй, еще более простой, но не менее важной причине: потому что солдаты на смерть за свободу слова не пойдут (а войны без смертей не бывает – это не Путин придумал). А пойдут они на смерть (и генералы их – даже под осуждающими взорами матерей – пошлют на возможную смерть) – за Родину и за жизнь своих семей. В любой стране мира, а не только в России.

Что здесь непонятного?

На днях я слышал (или читал) рассуждения одного журналиста об аморальности российских властей в истории с Бабицким, что не ново. Ново было то, что этот журналист тут же дал эталонный, как ему казалось, пример обратного свойства – пример сверхгуманизма. Естественно, американский. Пример был такой: фильм Спилберга «Спасти рядового Райана», где, как известно, американцы проводят спецоперацию по спасению солдата потому, что он – единственный сын у своих родителей, американцев же. Журналист-гуманист даже не заметил, что его пример мало того, что сравнивает киносказку с реальной жизнью (у нас вообще «гуманисты» знают Америку только по кинофильмам), – этот пример, напротив, свидетельствует в пользу Путина или тех, кто в наших реальных условиях делом Бабицкого занимался. Они тоже спасали российских солдат для страны и для их родителей, жертвуя всем остальным. Фильм Спилберга ведь не называется «Спасти журналиста Райана». И уж тем более не «Спасти русского журналиста Райана».

Я знаю, почему четыре гиганта мысли и столпа русской демократии (Чубайс, Касьянов, Кириенко, Титов) ступали в Давосе, когда из зала прозвучал вопрос: «Кто такой Путин? Чистый ли он лист и кто будет на этом листе писать?» Не потому, что они не знают, кто такой Путин. Они постеснялись сказать правду. И еще им показалось, что их не поймут. А также им почудилось, что ВВП не понравится, если о нем скажут правду.

Я не стесняюсь. Мне не кажется, что меня не поймут, – я знаю, что многие не захотят понять. Мне все равно, понравится или нет ВВП то, что я написал.

Две ремарки в конце.

Первая.

Владимир Путин – очевидно, современный русский политик западного толка, то есть он ценит силу и знает, когда общественным мнением можно пренебречь, а когда нельзя.

Вторая. А что бы сделали (даже в фильме Спилберга) американцы с теми, кто отрезал бы голову американскому солдату Райану? Может, тогда и сюжет фильма был бы другой?

Что вам еще сказать о Владимире Путине?

По-моему, вполне достаточно, чтобы каждый мог осознанно принять решение, голосовать за него или нет.

Независимая газета, 16.02.2000

Режим Путина и Россия

Итак, 26 марта 2000 года Владимир Путин одержал победу в первом же туре президентских выборов. Естественно, с этого момента я стал в своих статьях в «Независимой газете» анализировать деятельность Путина как президента России регулярно. Тем более что эта деятельность вызывала много тревожений среди его оппонентов, часть из которых превратилась в его врагов, с которыми он последовательно и довольно умело расправлялся, а равно и много недоумений у тех, кто в принципе Путина поддерживал.

Для публикации в этой книге я выбрал лишь самые основательные свои статьи того периода, каждую из которых нет смысла предварять отдельным предисловием. Но иногда я буду это делать.

Голиаф и Левиафан

(Личная власть и бюрократия в России в свете борьбы нового президента за выживание – своё и страны)

Ничто в России не дают так легко, как власть личную.

Ничто не завоевывается так тяжело, как власть реальная.

Ибо реальная власть в России всегда у бюрократии (исторически меняющихся названий у нее много – правящий класс, аппарат, номенклатура, федеральные и региональные олигополии). А личная власть ради соблюдения политических приличий на части (формально, юридически, публично и гласно) не делится, по традиции отдается одному.

Далее начинается борьба Левиафана (бюрократии) с Голиафом (вождем – царем, генсеком, президентом). И до сих пор победа практически всегда (за одним, и то неполным, исключением) была за Левиафаном.

Случайно в XX веке высшую власть в России получили: Николай II, Брежнев, Черненко, Путин.

Приложив некоторые (иногда очень большие) либо интеллектуальные, либо аппаратные усилия, но только в условиях исторических переломов или общественных катаклизмов (а это тоже своего рода случай), власть получили (отчасти взяли) Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев. Несколько особняком, но в этом же ряду – Ельцин. Его к власти (как во многом и Ленина) привел народ. Правда, Ельцин не отличался ленинским интеллектуализмом, но зато потом, получив власть, проявил сталинскую аппаратную хватку.

Но бюрократии (правлящему классу) проиграли все. Ленин и Андропов – физически (точнее – физиологически). Брежнева, Черненко и Ельцина аппарат просто подчинил себе (Черненко и не сопротивлялся). Хрущева и Горбачева бюрократия свергла. И Ельцина свергла бы (уже готовилась свергнуть), если бы он не захотел уйти сам (правда, на чрезвычайно выгодных для себя условиях).

Один Сталин сопротивлялся бюрократии до конца. Но и он, во-первых, все-таки сам стал рабом Аппарата. Правда, рабом, который силой вырвал у Аппарата право пускать Аппарату же кровь. Это – во-вторых. Универсальный рецепт победы (если кто-то хочет считать Сталина все-таки победителем бюрократии) состоял лишь в одном: периодически он уничтожал тех, вокруг кого персонально периодически же вызревала и выкристаллизовывалась мощь аппарата. Ельцин, как стихийный приверженец западной идеологии «права и свободы человека», не уничтожал, а лишь как минимум отправлял в отставку, не мешая кормиться с аппаратного (государственного) стола, как максимум – сам раздавая кормления.

Оттого и аппарат был к нему милостив, гуманностью ответил на гуманность.

И то сказать – еще до 53-го стреляли. За сорок лет, до казуса октября 93-го, когда часть аппарата всерьез задумала лишить Голиафа личной власти, цивилизовались почти до предела – даже не сажают. Правда, и Горбачев не сажал, а в конце 91-го и стрелять не решился (хотя юридически право имел). Но это просто издержки университетского образования. Словом, прогресс.

Теперь и вождя избирают, а не назначают, как раньше. Некоторые, естественно, оспорят этот вывод, основываясь как раз на выборах Путина в 2000 году и Ельцина в 1996-м, но не все же язвы сводимы одномоментно, отвечу я, не вдаваясь в суть соответствующих предвыборных коллизий. Вождя избирают, но проблема иллюзорности личной власти и неравнозначности ей власти реальной осталась. Выражаясь по-современному – конфликт интересов.

И все это новый и молодой президент Владимир Путин знает (или чувствует), как и свою казионность, а многое прошло и на его глазах (от Брежнева и до него самого, Путина).

И что же Путину с этим знанием делать? Выбросить из окошка Теремного дворца на Соборную площадь?

Нет, коли стал президентом, с этим знанием надо жить, жить и работать. Непременно работать. Ибо иначе будет либо хрущевско-горбачевский, либо брежневско-ельцинский вариант.

Сталинского уже нельзя. Остается андроповский (в смягченном варианте). Тем более что Юрий Владимирович, можно сказать, сослуживец и даже старший по званию и должности.

Это все присказка.

Резюмировать ее можно так: перед каждым высшим руководителем России стоял и до сих пор стоит один не вполне государственный, можно даже сказать, вполне приватный вопрос: он ли победит Левиафана (Аппарат), Левиафан ли победит его?

Как мог ответить Путин? Молодой, решительный и в делах государственных (Чечня), и в аппаратных (Скуратов)?

Только так, как он, видимо, и решил ответить: подчинить себе Аппарат.

Разве не ясно это было раньше – вспоминаю я, извините, опять свою статью «Вся правда о Путине».

Признаюсь, и у меня позже были колебания (статья «Путин – слабый президент?»). Но ВВП их быстро развеял. Может, еще и не сильный, но слабым быть не хочет.

Но это все присказка.

А теперь сказка.

* * *

Помимо личных проблем во власти, у Путина есть, естественно, проблемы и государственные, общенациональные. Он хочет видеть Россию вновь великой страной, нацией и государством.

Может ли он добиться этой цели, не овладев аппаратом, не подчинив его себе? Нет.

Может ли он добиться этого, получив в наследство от Ельцина то, что получил, – не только семибоярщину, но еще и 89-баронщину (не говоря о всех других бедах и развалинах)? Тоже нет.

Должен ли он не загубить демократию вместе с бюрократией? Должен. И хочет. Сможет ли – отдельный вопрос, во многом открытый.

Как Ельцин захватывал личную власть? Он разрушал и дестабилизировал советскую бюрократию (потом, правда, она быстро реанимировалась в виде российской – с чертами ельцинизма на лице).

Может ли Путин воспользоваться для закрепления своей случайно и от бюрократии доставшейся ему власти тем же способом – разрушая отечественную бюрократию? Нет. Так он разрушит государство, а с ним и страну. Но Путин не Ельцин.

Может ли Путин, минуя бюрократию, опереться непосредственно на народ? Мог бы, если бы в России была предреволюционная ситуация (на манер 1991 года) или наблюдалось бы гражданское общество (на манер года эдак 2015-го).

И тогда Путин и в своих личных целях (победить бюрократию персонально), и в интересах общенациональных (не дать бюрократам разорвать Россию на части) решает взять бюрократию в железные тиски снаружи. Ибо не имеет сил подорвать ее быстро (через экономические и нормально демократические реформы) изнутри.

Он, Путин, назначает семь прокураторов, наделяя их властью, покрывающей сверху власть 89 губернаторов и субпрезидентов, – на настоящий момент единственных реальных диктаторов России. Сам же Путин – пока диктатор потенциальный.

То, что семь из кремлевского ларца, почти одинаковых с лица, будут никакими не генерал-губернаторами, то есть управленцами, а именно прокураторами соответствующих территорий (федеральных и военных округов), по-моему, уже очевидно. Парадокс в том, что Путин, для того чтобы победить бюрократию, создает супербюрократию.

Миссия прокураторов, огрубляя, – не только довести власть Кремля до субъектов Федерации, но и изъять часть власти у губернаторов и субпрезидентов, для политеса бросив им временно некоторое отпускное – см. соответствующие путинские законопроекты. Потом отпускное либо заберут назад (в Кремль), либо отдадут населению (избирателям).

В первом случае мы получим авторитаризм, бесперспективный в современном мире, в том числе и в России.

Во втором – демократию. С сохранением, между прочим, страны.

Куда дальше пойдет Путин (на втором этапе своих реформ)? Это зависит и от того, победит ли он на первом этапе. Если проиграет – то точно падет в авторитаризм. Если победит, то не обязательно пойдет к демократии (тут прав Березовский). Но не обязательно и к недемократии.

* * *

Допустим, что Путин – ставленник Семьи. Что он от нее зависим. Это похоже на правду, как и то, что он об этом знает и этой зависимостью тяготится. Не может не тяготиться.

Допустим, Путину не дали сформировать полностью то правительство, которое он хотел.

Допустим также, что он не смог заменить и главу своей администрации, то есть Волошина, оставив в своем тылу еще одно протоправительство – подчиненный Волошину аппарат президентской администрации.

Что делает Путин? Он создает третье параллельное правительство в виде Совета безопасности, секретарем которого является его личный друг Сергей Иванов, в который входят силовые министры, напрямую подчиняющиеся президенту. Наконец, он собирается ввести в Совет безопасности и всю семерку прокураторов, своих личных ставленников, пять из которых – либо генералы чеченской войны, либо его друзья по ФСБ.

Это резервное и личное правительство, которое станет главным, как только представится удобный случай. А точнее говоря, оно позволит Путину однажды сформировать свое официальное правительство.

Удачный случай – это либо победа путинского плана реформы управления (мягкий вариант, безболезненный). Либо это поражение путинского плана. Тогда – жесткий вариант.

Мягкий вариант (максимум демократии, экономический либерализм, но единое государство) приведет к замене официального правительства, видимо, уже осенью.

Жесткий вариант (в случае поражения) может наступить сразу вслед за поражением, то есть уже летом. Но может быть отложен и до следующей попытки слома хребта российской бюрократии.

Может ли Путин, ломая хребет бюрократии, по неосторожности или по неумению сломать и хребет молодой российской демократии? Может – опять прав Березовский. В чем Березовский не прав, так это в том случае, когда он предполагает, что Путин хочет сломать хребет демократии сознательно.

Я как-то уже писал, что категорический императив Путина – сильная, единая и процветающая Россия как страна, нация и государство.

Но именно в такой последовательности: сначала должна быть страна Россия (категорический императив первого порядка), а в ней должна быть демократия (категорический императив второго порядка). Или, если хотите, первое условие – необходимое, второе – достаточное.

Как соединить клещи путинской прокураторской антидиктаторской супербюрократии с мягким пока телом гражданского общества, местного самоуправления, выборности, демократических принципов современной России – это большой вопрос.

* * *

В своем открытом письме Путину Борис Березовский совершенно справедливо указывает на многие изъяны плана политических реформ, предложенного президентом (не один Березовский на них указал, но его голос прозвучал громче и сенсационнее других). Сделал ли Березовский это из общедемократических соображений или из эгоистически-олигархических – вопрос второй и даже десятый. Свидетельствует ли это о том, выпал ли Березовский из Семьи, раскололась ли Семья или Путин вышел из-под контроля Семьи, – важно, интересно, но тоже не главное.

Но на опасности (реальные) Березовский указывает правильно. Я уже писал, что предложенная Путиным схема формирования Совета Федерации абсурдна, сюрреалистична и вообще неработоспособна. Если только то, что предложил Путин (в этом и некоторых иных случаях), не та самая белая собачка в углу полотна, которая нарисована специально, чтобы, будучи убранной по требованию цензуры Госдумы и Совета Федерации, она помогла появлению картины на выставке.

А вот логику путинских предложений Березовский отвергает зря. Есть общественная дилемма, а есть внутри нее и с ней связанная личная дилемма всякого высшего руководителя в России. И перед ней тоже стоит Путин: если он не победит, то проиграет. Его проигрыш – точно плохо (для него и для страны, особенно при наличии чеченского синдрома и Чечни как проблемы). А дальше – вторая, общественная дилемма, на которую раздваивается победа: авторитаризм и демократия.

Но авторитаризм, как мы видим из присказки, результативен в России только в сталинском варианте (а сегодня он возможен лишь теоретически).

Следовательно, Путин неизбежно, сделав авторитарный шаг, должен будет сделать два демократических. Иначе он проиграет навсегда. И олигархический анархо-демократизм Ельцина окажется чуть ли не идеалом демократии в нашей стране. То есть просто все скажут: Путин погубил демократию в России. И страну не сохранил.

А все дело в том, что эти две цели (сохранение России и демократии в ней) можно достичь только одновременно, а никак не поврозь. Если даже в своем сознании ты ранжируешь их последовательно и предел допустимого прочерчен: управляемая демократия – уже не авторитаризм, хотя еще и не вполне демократия.

Подтолкнуть Путина к чистому авторитаризму – мечта российского Левиафана. Тут-то и будет отсечена голова Голиафа. Каким-нибудь Давидом. Правда, не столь кротким душевно, как библейский.

Независимая газета, 01.06.2000

Блеск и нищета политической философии Владимира Путина

8 июля 2000 года Владимир Путин выступил со своим первым посланием Федеральному Собранию, ясно и явно заявив этим текстом как стратегические цели своего президентского правления, так и основные направления той политики, с помощью которых он этих целей постарается достичь. В тексте этого послания я увидел не набор более или менее банальных и оригинальных деклараций неопита в большой политике, а то, что я назвал политической философией Путина. Анализ этой философии и посвящена следующая статья.

Выступив с речью, представляющей президентское послание Федеральному Собранию на 2000 год, Владимир Путин фактически изложил в самом сжатом виде свою политическую философию на весь срок своего правления, а не только на 2000 год.

В самой этой философии нет ничего нового для тех, кто хотя мало-мальски внимательно следил за словами и делами Путина, начиная с момента назначения его главой правительства, а то, что слышал и видел, анализировал хоть в какой-то мере объективно – не обольщаясь и не толкуя заведомо предвзято.

Кажется, вопрос «Кто такой Путин?» должен быть снят даже самыми непонятливыми.

Сначала суммирую самые принципиальные, на мой взгляд, пункты этой философии, используя, в частности, некоторые определения из своих предыдущих статей, посвященных ВВП.

А затем попробую показать блеск и нищету этой философии, ибо она отмечена и тем, и другим, причем не только по причине объективной односторонности всякой политической философии, но и потому, что ряд существенных моментов, в нее заложенных или в ней проигнорированных, и создает ту политическую напряженность, которая сопровождает движение по палатам парламента путинской «федеральной реформы».

* * *

Достаточно определенно, хоть и слишком лапидарно, квинтэссенция путинской философии выражена в придуманном, надо думать, им самим рабочем названии послания: «Какую Россию мы строим». Более развернуто это выглядит так (причем не примерно так, а точно так), как я расшифрую ниже.

Возрождение России как великой страны, сильного государства (державы) и процветающей нации.

Эта цель первична – все остальное вторично, принимается, если способствует ее реализации.

Из прошлого отвергается только то, что не работает на заявленную цель, и отвергается не по идеологическим или моральным, а по сугубо прагматическим причинам. Коммунистическая экономика – потому, что она не выдержала конкуренции с рыночной. Советская система – потому, что она потребует отказа от демократии, к которой привыкли люди, особенно элиты, да и сам Путин, а также потому, что она не предотвратила распада страны. Ельцинский анархо-олигархизм – потому, что он не обеспечил процветания страны, поставил Россию в зависимость от Запада, не гарантирует целостности территории и лишает центральную власть смысла существования.

Но и глумления над прошлым (ни царистским, ни советским, ни ельцинским) не будет – все это этапы истории страны, скорее всего, объективно неизбежные. Путин жестко раскри-

тиковал ельцинское десятилетие, но не осмелел, а даже оправдал, хотя, видимо, и не вполне искренне.

Жизнь мира есть жесткая борьба (в том числе и в виде сотрудничества) за выживание и процветание собственных народов. Слабые проигрывают, слабых не уважают (а оттого они проигрывают еще быстрее и вернее) и подчиняют себе более сильные.

Размер территории есть первый, визуально очевидный показатель силы или слабости.

Путин очень коротко остановился на проблеме Чечни и исключительно – в этом аспекте. Ибо все остальные узлы чеченской проблемы для него вторичны и третичны. Но вопрос территории – вне обсуждения, ибо без территории нет страны.

Так же, как нет страны без народа, без населения. Первой из проблем, которой коснулся (причем гораздо подробнее и эмоциональнее, чем даже Чечни) в своем выступлении Путин, стала именно депопуляция России. Процесс этот идет не первый год. Но до Путина ни Ельцин, ни кто-либо другой из первых лиц государства никогда не осмеливался коснуться этой темы.

Ключ к возрождению и процветанию страны – рыночная экономика, сильное (в смысле эффективности) государство, определяющее приоритеты развития, контролирующее и корректирующее это развитие, и демократия и гражданское общество в пределах, не мешающих достижению главной цели.

Политика есть не самодеятельность масс, а тем более каких-то отдельных территорий или экономических субъектов, соприкасающихся с политикой, а дело государственное. Вот откуда возникают не раз уже повторенная мысль о необходимости создания партий и (в предположительной форме) идея о выдвижении исключительно ими кандидатов на пост президента.

Все должны сотрудничать с государством, и никто – противостоять ему.

Государство понимается Путиным (как президентом, выходцем из спецслужб и патриотом русско-советской закваски) не как сонм чиновников, а как синоним страны, ее символ, ее вождь, показатель ее благополучия. Если государство благополучно, то благополучна и страна. Следовательно, добившись благополучия государства (включая эффективность деятельности аппарата) – добьешься благополучия страны в целом.

Свободы – разрешено все, что не противоречит закону, если (второе условие) не противостоит реализации главной цели.

Если СМИ свободны от цензуры государства, то они должны быть свободны от целенаправленной цензуры (или политического управления) других субъектов, особенно если это ведет к такой их деятельности, которая государством (иногда – населением) воспринимается как антигосударственная.

«Нулевой вариант» (в собственности и политической активности) соблюдается де-факто, но при трех условиях, каждое из которых обязательно: 1) если он не противоречит реализации главной цели; 2) если управление собственностью эффективно; 3) если держатель собственности лоялен государству как собственник и как политик.

Наконец, последнее (не проартикулированное Путиным, но подразумеваемое): Левиафан (государственная бюрократия) должна подчиниться Голиафу (президенту). Почему? Потому что президент – помазанник народа.

И еще потому, что если будет наоборот, то разнонаправленная и эгоистическая активность бюрократии разорвет страну. В этом смысле Путин отделяет бюрократию от государства. Более того – он противопоставляет их.

* * *

Путин хочет построить идеальное государство, в котором будут воплощены и через деятельность которого будут реализовываться все основные интересы нации и страны.

Будет государство – будет страна – будет нация – будут счастливы и обеспечены люди этой страны.

Не может быть счастливых и обеспеченных людей (по крайней мере, этой национальности, то есть в данном контексте – россиян, а не русских только), если не будет нации, а ее не может быть без страны, а ее – без государства, которое единственное охраняет все, что внутри него, от покушений со стороны и изнутри.

Государство для Путина есть цепной пес нации и страны, следовательно, и цепной пес демократии и рынка, если страна выбрала эти формы политического и экономического устройства.

Кроме того, Путин, как и Пушкин, считает, что правительство (то есть центральная власть) – самый большой европеец в России и в смысле демократичности, и в смысле осознания, формулирования и реализации интересов нации.

Все в политической философии Путина логично, но не все убедительно, в том числе и в реальностях сегодняшней России. Эту неубедительность многие чувствуют, некоторые – критикуют, некоторые – прямо клеймят.

Путин судит по прецеденту: из демократического хаоса в России родилась не демократия, а что-то иное; рука рынка автоматически не столько укрепила, сколько разрушила экономику страны; и так далее.

Следовательно, нужна все-таки управляемая (но не манипулятивная) демократия. Следовательно, рукой рынка должна руководить голова. Причем одна, а не десять и не сотня. А одна голова – это власть (по-путински – государство).

Кроме того, Путин знает, насколько активно вмешивается государство во все сферы жизни на Западе (и тем более – даже в процветающих странах Востока).

Критики Путина исходят из двух главных посылок, тоже реальных. Во-первых, они считают, что коль скоро они сумели добиться процветания в рамках ельцинской системы, то есть без сильного государства, то это могут сделать и другие. Следовательно – в принципе, система верна, лишь разбалансирована. Во-вторых, они считают себя большими европейцами, чем Путин и уж тем более чем какое-то государство.

Путин им возражает (прямо в своей речи): но ведь это государство (то, ельцинское) развратило нацию и разорило страну и людей. Вейлу своей слабости, неэффективности. Поэтому надо устранить эту помеху (слабость, неэффективность). Следующее возражение он не высказал, но, безусловно, имеет в виду: вы стали богаты и счастливы от государства, от его щедрот, а у других такой возможности не было и уже не будет. Следовательно, ваш пример – другим не наука.

Словом, как всегда в России, правы все. А счастья все нет...

* * *

Путин, в отличие от Ельцина, четко осознает во всей их остроте главные проблемы, стоящие перед Россией. Он также видит и все противоречия и провалы ельцинского периода.

Путин предельно целеустремлен. Он полон решимости вывести Россию из кризиса во что бы то ни стало – апатии и сибаритству «эпохи Ельцина» приходит конец.

Путин правильно ориентируется в изъясных сложившегося при Ельцине государственного устройства и стремится использовать имеющийся у него на ближайший год кредит доверия избирателей для исправления ошибок в форсированном режиме.

Путин продемонстрировал, что обязательства, возникшие у него перед теми, кто поддерживал его во время избирательной кампании, не абсолютны. Они заканчиваются там и тогда, где и когда прекращается эффективная работа или проявляется нелояльность стратегической линии президента.

Путин категорично подтверждает свою верность основным принципам демократии, делая (неявно) лишь единственную оговорку: если их реализация не противоречит возрождению мощи и благополучия России.

Путин правильно определяет и важнейшую прикладную цель своего президентства – овладеть Левиафаном бюрократии. С одной стороны – подчинить его воле государства, то есть центральной власти. С другой стороны – обеспечить ее, бюрократию, легальными доходами высокого уровня, дабы не вводить в искус коррупции и иметь моральное право за коррупцию карать.

Наконец, Путин, безусловно, стоит за воплощение в жизнь радикальной рыночной реформы, дабы раз и навсегда решить проблемы экономики в стране.

Путина сейчас (и в связи с его посланием Федеральному Собранию) критикуют в основном конъюнктурно. Например, те, кто уговаривал его вступить в переговоры с Масхадовым, не одобряют его выбора в качестве главы Чечни Кадырова, который был одним из полевых командиров в прошлую войну.

Или: Путин недоволен «антигосударственной политикой» некоторых СМИ, но то, что он определяет как «антигосударственная политика», говорит Евгений Киселев, есть политика как раз государственная – просто президент со своими эфэсбэшными мозгами этого не понимает.

И еще говорят Путину: как несправедливо намерение выселить губернаторов из Совета Федерации – кто лучше их может представлять интересы территорий, кто лучше их способен здоровым консерватизмом смикшировать сумасшедшие шараханья Думы и Кремля? Между тем предложенная Путиным достаточно фантазмагоричная (а фантазмагоричность заложена ельцинской Конституцией, словечком «формирует», введенным в нее) новая схема формирования Совета Федерации как раз и открывает путь в верхнюю палату парламента нынешним губернаторам, после того как они перестанут таковыми быть. И все, увлеченные борьбой с «диктатурой Путина», как-то сразу забыли о недавних собственных филиппиках по адресу «диктатур губернаторов». А ведь когда одни диктаторы борются с другим, надо смотреть глубже банального уровня: дескать, 89 диктаторов – это плюрализм и демократия, а один диктатор – диктатура.

Между тем у путинской политической философии есть реальные изъяны. Наиболее четко на них указал в своем открытом письме президенту Борис Березовский – сенаторы осмелели лишь после этого письма.

Однако и Березовский не столп истины. Есть такие изъяны путинской политической философии (и в речи на представлении президентского послания они проявились отчетливо), которые, если я не ошибаюсь, пока публично еще не отмечались.

Прежде всего о самой политической реформе, задуманной Путиным. По смыслу и основным направлениям она и позитивна, и логична, и реально нацелена на исправление изъянов ельцинской модели государственного устройства.

Но реформу можно проводить революционно, меняя законы и Конституцию, что, как правило, создает напряженность, по крайней мере, в элите, а можно под сурдинку, путем поправок и мягких корректировок, что не подтачивает политическую стабильность. Второй путь чаще оказывается эффективнее.

Далее. Справедливо говоря о необходимости усиления (или повышении эффективности) государства, Путин, как я уже отмечал, видит в своем сознании некое идеальное государство, одновременно и эффективное, и справедливое, и гуманное. Но такие государства бывают лишь в схемах или мечтах и никогда в жизни. Идеальное государство, тем более в России, построить нельзя. И не нужно эту цель ставить. Тем более что для одних (бюрократии) это отдает утопизмом, а для других (демократов) – тоталитаризмом.

Вообще, нужно быть осторожнее с терминами и словами. Особенно когда их произносит президент, а не глава, например, ФСБ. Понятно отношение Путина к «некоторым СМИ», но

совсем необязательно, более того – противопоставлено высказывать это отношение вслух. Президент должен только хвалить прессу, только хвалить. Это правило, практически не знающее исключений.

Это по форме. А по сути – пресса действительно имеет право писать все, что считает нужным. Это может создавать власти и даже стране проблемы, но суммарно пользы от свободы слова гораздо больше, чем от ее ограничения.

Путин, судя по всему, понимает разницу между обществом вообще и гражданским обществом, а также между гражданским обществом и официальными демократическими институтами (парламент, выборы, политические свободы и проч.). Но, кажется, он не понимает или не хочет понимать, что и губернаторы, и олигархи лишь одной своей половиной являются субъектами политики, частично нелегитимными, частично излишне автономными от центральной власти, частично подменяющими эту власть. Но другой своей половиной и губернаторы, и олигархи – представители, более того – активные члены как раз гражданского общества, то есть общества, живущего на одной территории с государством, но не зависящие от него в повседневной, неполитической жизни. Совершенно понятно, что сотрудники «Медиа-МОСТа», чье материальное благополучие зависит в первую очередь не от Кремля, а от Гусинского, считают покушение на его свободу покушением и на свою свободу. Другое дело, что этим сотрудникам нужно понимать, что если сам Гусинский и «Медиа-МОСТ» в целом претендуют на роль субъектов политики, то их частная жизнь (и тем более работа) попадает в зависимость от политической борьбы.

Ясно также, что губернаторы, требующие демократии для себя, не хотят дать ее тем, кто живет на территориях, где они царствуют, давя и третируя и так-то не выращенное государством местное самоуправление. Поэтому олигархическая и губернаторская автономии суть квазигражданское общество, но иного, кроме низовой заброшенности людей, которые не зависят от государства просто потому, что оно ими не интересуется, у нас нет.

Путин ничего не сказал ни на сей раз, ни до того, как он и его идеальное государство собираются формировать настоящее гражданское общество, члены которого под именем «народ», видимо, воспринимаются Путиным как его самый надежный союзник. Но пока это союзник лишь на основе отрицания «прелестей» ельцинского периода, не более.

Конечно, и олигархов, и губернаторов надо поставить на место. Но зачем же массово терять их как союзников? Бесспорно, значительная часть из них притворными союзниками президента останутся, но ведь реформы нужно не только провести через Федеральное Собрание, но и реализовать. И тут-то «идеальное государство» Путина вынуждено будет столкнуться со вполне реальными Бюрократией, Губернаторами и Олигархами, которых «идеалами» не победишь и не победишь.

Путин провозгласил замечательную цель – борьба за выживание нации, обозначив опасность – депопуляция страны. Но как эта борьба будет вестись? Построением эффективного государства? От этого дети не рождаются.

Провозгласив такую цель и не изложив (а ведь это могло бы стать настоящей сенсацией) государственную программу повышения рождаемости, Путин продемонстрировал декларативность, если даже не голую идеологизированность, своего предложения.

Для быстрого возрождения величия России Путин предлагает создание инструмента – эффективного государства. Но, во-первых, это инструмент необходимый, но недостаточный. Во-вторых, обожествляя этот инструмент и абсолютизируя его достоинства, президент рискует целых два срока увлеченно совершенствовать этот инструмент, так и не добившись его искомой идеальности. А реальная политика будет проводиться обычными методами.

* * *

Выступая в Кремле со своим президентским посланием перед виднейшими представителями российского Левиафана, Голиаф-Путин, безусловно, помимо всего прочего, еще раз попытался зафиксировать новую границу власти президента. Это нормально для нового человека в Кремле. На его месте так поступил бы каждый.

Дело теперь за малым. Перевести политическую философию в политическую практику. Самое пристрастное отношение к ней Путин себе обеспечил. Можно не сомневаться – всякое лыко будет поставлено ему в строку.

И это нормально. Блеск политической философии Путина от этого не померкнет, а нищета – снивелируется или даже исчезнет. А победят все равно те идеи, на которые отзовется общество. Не исключая даже и губернаторов.

Независимая газета, 11.07.2000

Режим Путина и Россия **(Антиельцинизм как догма и как творческое учение)**

В определенных политических кругах Москвы, назовем их близкими к либеральным и демократическим, висит какое-то тяжелое и одновременно ироническое недоумение. Дескать, что-то идет не так, не в ту сторону, не к тем целям, не теми методами.

Все это напоминает досаду озабоченного многими делами человека, который, выйдя без зонта на улицу и попав в дождь, чертыхается: «Но ведь прогноз погоды был хороший! И поясницу у тещи не ломило! Почему, черт побери, все так плохо, сыро, неясно?»

Кто его заставлял верить синоптикам, да еще всем подряд? Почему тещина поясница надежнее логики и здравого смысла? Отчего не выглянул накануне в окно – небо-то уже было затянуто облаками.

Сегодняшний дождь (а для кого-то, напротив, солнце) – следствие, причем неизбежное, того, что ему предшествовало. И погода завтрашняя тоже будет не той, какой хочется или, наоборот, какой лучше бы не было. Она будет такой, какая только и может быть в сложившихся политических (простите, климатических) условиях.

Сиюминутно анализируя ситуацию с верховной властью России, можно испытывать недоумение и раздражение. Но стоит обернуться назад – сразу станет ясно, как мы дошли до жизни такой.

Другое дело, как эту «такую» жизнь оценивать, как к ней относиться, пытаться ли ей противостоять, или просто плыть по течению, или возводить плотины на самых опасных поворотах течения.

В этом, а не в оценке нынешнего положения дел – гражданский и политический выбор каждого.

Процесс, собственно, развивался так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.